

Поезд затормозил и остановился.

Тотчас же открылась дверь второго вагона, на перрон выскочил проводник в нарядном форменном кителе, огляделся. В дверях вагона появился второй проводник и начал передавать первому один за другим роскошные чемоданы из мягкой желтой кожи. Чемоданов этих было великое множество.

Спустя минуту или две на перрон величественно сошла маленькая стройная женщина, похожая на старинную куклу с белоснежным фарфоровым личиком, в изумительном светло-бежевом костюме и крошечных изящных туфельках, с аккуратно уложенными платиновыми волосами. Встав чуть в стороне от вагона, она внимательно наблюдала за продолжающейся выгрузкой чемоданов, время от времени покрикивая на проводников:

— Это сюда... не сюда, болван! Осторожнее! Там хрупкие вещи! Вы мне все побьете!

— Поезд отходит! — испуганно пролепетал один из проводников.

— Так поторопитесь! И никуда он не отойдет, пока вы не выгрузите все чемоданы!

Наконец выгрузка была благополучно завершена. Как вставная челюсть, лязгнули буфера, и поезд поплыл вдоль перрона, постепенно набирая скорость. Последний проводник вскочил в вагон на ходу. На лице его явственно просматривалось облегчение, как у человека, снявшего наконец тесные ботинки. Жизнь прекрасна!

Маленькая женщина осталась среди груды чемоданов. С величественным видом она огляделась и наконец увидела группу людей, сгрудившихся возле начала платформы и боязливо наблюдавших за ее прибытием.

— Ну, вот и я! — проговорила она со снисходительной насмешкой. — Кто-нибудь займется моим багажом?

Встречающие наконец ожили, как Спящая Красавица после поцелуя принца, заговорили, двинулись к ней, ускоряя шаг, отталкивая друг друга и забегая вперед.

— Тетя Аня! — проговорил, подходя к ней первым, довольно-таки незаметный мужчина лет сорока с невыразительным лицом. — Я — Григорий...

— Гришенька! — выдохнула маленькая женщина — и лицо ее поразительным образом изменилось. Оно покрылось едва заметными трещинками, как разбитая и заново склеенная фарфоровая чашка — и сразу стало понятно, что этой женщине много, очень много лет. Как минимум далеко за восемьдесят. А может быть, и все девяносто.

— Гришенька, сколько же лет я тебя не видела? Дай подумать... почти сорок! Ты был со-

всем малюткой... я помню, как подарила тебе игрушечную шарманку... ты ходил по дому, крутил ручку, и шарманка издавала такой ужасный звук... Лена, твоя мама, еще спрашивала — какая зараза подарила эту шарманку... Я, говорит, готова ее убить собственными руками. А мой муж признался, что это я... было очень смешно смотреть, как изменилось ее лицо...

— Да-да... — рассеянно пробормотал Григорий, и по лицу его пробежала непонятная тень, отчего он ослабил внимание и позволил вырваться вперед другой встречающей.

— Здравствуйте, тетушка! — прошебетала с ненатуральным восторгом чуть полноватая крашеная блондинка, оттеснила Григория и клюнула старушку в щеку, оставив на этой щеке кроваво-красный оттиск. — Надеюсь, вы благополучно доехали?

— Отвратительно! А ты еще кто такая? — удивленно проскрежетала приезжая, недовольно отстранившись и близоруко вглядываясь в блондинку. — Няся? Дочка домработницы?

— Что вы, тетушка! — блондинка вспыхнула. — Я Эльвира, жена вашего племянника Михаила! — Она бросила выразительный взгляд на невинного мужчину средних лет, который тут же послушно приблизился, пригладил волосы пятерней и попытался шаркнуть ножкой, что у него не получилось. Он просто потоптался на месте, умудрившись наступить на ногу своей жене, отчего ее улыбка превратилась в оскал гиены.

— Он мне никакой не племянник! — фыркнула старушка. — Он — племянник Николая Фе-

доровича, моего покойного мужа! Кстати, всегда знала, что у Мишки отвратительный вкус! И Николай тоже так считал. Но на этот раз он, кажется, превзошел себя...

Помимо Григория и Эльвиры, на перроне толкалось еще пять или шесть человек — дряхлая старуха, одной рукой опирающаяся на суковатую палку, а другой — на плечо женщины средних лет с водянистыми рыбьими глазами и бледными, робко поджатыми губами; пожилой мужчина с умным, несколько обидчивым лицом, в приличном, хотя слегка поношенном костюме; две очень похожие женщины в районе пятидесяти, то и дело переглядывающиеся и перешептывающиеся.

Эта группа подошла позже, поскольку старуха со своей палкой перекрыла дорогу, и не было никакой возможности ее обойти. Впрочем, пожилой мужчина подчеркнуто держался чуть в стороне, соблюдая настороженную дистанцию.

— Кто-нибудь займется моими чемоданами? — строго осведомилась пожилая дама, которую никто в здравом уме не осмелился бы называть старушкой.

— Сейчас, тетя Аня... — пропыхтел Григорий, ухватившись за один чемодан и безуспешно пытаясь сдвинуть его с места.

— Что ты, Гришенька? — Она снисходительно потрепала его по щеке. — Куда тебе! Да и что — никого другого не найдется?

— Михаил, чего ты ждешь? — строго окликнула Эльвира своего бессловесного супруга. — Ты

же видишь, что твоей тетушке нужна мужская помощь? Впрочем, — добавила она вполголоса, — что я говорю... где здесь мужчина...

Она сказала это вроде бы про себя, чтобы услышал ее только муж, который давно уже не обращал внимания на ее слова. Или успешно делал вид, что не обращает. Но приехавшая пожилая дама обладала не по возрасту острым слухом, острым зрением и острым язычком. Кстати, последнее встречающие успели уже заметить.

Так что она слышала замечание Эльвиры и бросила быстрый взгляд на ее мужа, отметив неестественно равнодушное его лицо.

— Ну-ну... — пробормотала приехавшая действительно тихо, так что ее-то никто не услышал.

Эльвиру отпихнула женщина с водянистыми глазами, подведя к приехавшей старуху. Это никогда бы у нее не получилось, если бы старушенция как бы случайно не стукнула Эльвиру палкой по ноге. Эльвира взвизгнула и отскочила, потирая щиколотку.

— Анна Ильинична! — заговорила рыбаглазая женщина неуверенным голосом. — Вы, наверно, не помните мою маму... она... она ваша родственница... вашего дяди дочка...

— Двоюродного дяди, то есть, говоря прямо, седьмая вода на киселе, — поправила ее вновь прибывшая. — Отчего же не помнить? Я всех помню! У меня Альцгеймера пока что нет! Люба, Надя...

— Вера! — с готовностью подсказала женщина. — Вера Ивановна! А я — Василиса...

— Постой-постой! — весело удивилась Анна. — Так ты и есть ее дочка, которую она неизвестно от кого прижила? Тайный плод любви несчастной! Ну-ка покажись! — Она бесцеремонно повернула Василису кругом, привлекая к ней всеобщие взгляды, отчего та смутилась и еще больше побледнела. Стали заметны несвежая кожа, ранняя складка возле губ, сутулые плечи, обвисшая грудь...

— Да! — громко вынесла вердикт Анна. — Неказиста! Не могла уж Верка кого покрасивше выбрать, раз уж все равно безотцовщина!

Она повернулась к старухе и вдруг замолчала, взглянув в ее абсолютно пустые глаза.

— Ты кто? — громко спросила старуха, опершись на палку. — Ты Люся? Которая сметану молоком разбавляет? Или Таня из галантереи? Ты мне двадцать рублей сдачи недодала!

— Я Аня... — прибывшая неожиданно понизила голос. — Анна я... не узнаешь?

— Николая жена? — Теперь голос у старухи был совсем другой, почти нормальный.

— Вдова, — поправила ее приехавшая. — Умер Николай. Умер много лет назад.

Старуха резко отвернулась от нее и побрела прочь.

— Давно она так? — спросила Анна у ее дочери.

— Да уж, почитай, лет семь, как почти никого не узнает, только меня иногда... бывают просветления, но редко... — Из водянистых глаз Василисы брызнули слезы, и она бросилась вслед

за матерью, поскольку та целеустремленно шла к краю перрона.

— Визит старой дамы! — усмехнулся пожилой мужчина приличного вида, стоящий чуть в стороне от остальных, и махнул рукой носильщику с тележкой, который маялся неподалеку в ожидании.

Носильщик принялся грузить чемоданы на тележку. Пожилой мужчина снова усмехнулся и добавил, ни к кому не обращаясь:

— Или, скорее, прибытие царицы Савской в Иерусалим...

Никто ему не ответил, все следили за носильщиком, который с трудом укладывал в тележку тяжеленные чемоданы.

Племянник Григорий порадовался, что догадался заказать приличную машину из гостиницы, представив, что сказала бы тетя, увидев его старенькую «Хонду». Идиот Мишка взял в кредит новый «Фольксваген Поло», чтобы ублажить эту стерву Эльвиру. Ей, конечно, и того мало, все равно всем недовольна, и как Мишка будет расплачиваться с такими грабительскими процентами, ей по фигу.

Ишь, как вертится перед теткой, только что из платья не выпрыгивает. Думает, богатая тетка денег отвалит. Да жди, дожидайся, тетка тебя насквозь видит. Мишка не ее племянник, а теткин муж дяди Коли. А тот давно умер, все свое состояние тетке оставил. Детей у них не было, так что он, Григорий, теперь главный наследник.

Эта дура Эльвира на чемоданы смотрит алчным взором. Да не туда смотреть надо! Самое-то

богатство не в чемодане находится, а в двадцати километрах от города.

Ну да, там фабрика, которая тетке принадлежит по наследству. Дядя покойный серьезный был человек. Работал директором конфетной фабрики. Да в перестройку не растерялся и сумел ее приватизировать. И производство наладил. Конфеты были самые лучшие в регионе, сливочные, назывались «Коза-дереза». Григорию с детства они нравились. Название забавное, на фантике симпатичная коза нарисована, с колокольчиком на шее. У них в городе все про коз, все названия соответствующие. Ресторан есть «Серенький козлик», еще один — «Серебряное копытце». Потому что город так называется — Козловск. Старинный город, с историей, стоит на реке Козловке.

И кто бы знал, вдруг с тоской подумал Григорий, как ему этот старинный город осточертел. Вся эта красота провинциальная уже в печенках сидит, до зубовного скрежета надоели церкви и дома деревянные с наличниками.

И ведь уехал отсюда в юности, выучился, работу нашел в большом городе, так пришлось все бросить, как мать заболела. Отец-то еще раньше по пьяному делу в аварию попал со смертельным исходом, а мать написала ему, только когда совсем худо ей стало. Врачи сказали, что поздно операцию делать, но он все равно мать в Москву повез. Да толку-то... Только денег кучу истратил, в долги влез.

В общем, пока полгода тут с умирающей матерью провел, работа его прежняя в большом го-

роде накрылась медным тазом. И Алинка ушла, ждать не захотела.

Вот так и получилось, что застрял он здесь на... да уж почти десять лет будет. Надо же, как время летит! Но теперь все будет по-другому, все изменится.

Он, Григорий, обалдел просто, когда тетя Аня позвонила из своей Америки или где там она живет. Приеду, говорит, через месяц, организуй встречу и жилье. Жить, говорит, буду у вас долго, может быть, вообще до конца. Хочу, говорит, поглядеть на родные места и дела в порядок привести. Лет, говорит, мне много, нужно перед смертью ничего недоделанного не оставлять.

Он-то, грешным делом, подумал, что и вправду тетка болеет и осталось ей немного, вот и хочет перед смертью на родные осины поглядеть. Ага, как же, эта и до ста лет запросто проживет, энергии еще на пятерых молодых хватит. А вот что с делами решила разобраться — это правильно. Давно пора. Не иначе как хочет ему фабрику завещать. И будет он не обычный менеджер по закупкам в мелкой оптовой фирме, а владелец фабрики.

И ничего, что фабрика сама давно на ладан дышит, производство на обе ноги хромает и в главном здании недавно крыша провалилась, хорошо, что никого не убило. Он, Григорий, кое-что в этих делах смыслит, разберется, как управлять. А не получится — так продать фабрику можно, ресторан купить или еще что. Вон, «Серебряное копытце» процветает, ну, там хозяйка толковая

женщина, в бизнесе понимает, мужики у нее на подхвате, как сейчас говорят — «баба с яйцами».

Носильщик наконец загрузил свою тележку и с трудом покатил ее по перрону, напутствуемый истошными криками Эльвиры, чтобы смотрел в оба и не смел ничего уронить. Нет, ну до чего противная баба, хочет к тетке в душу влезть без мыла, да только ничего у нее не получится.

— Тетя Аня! — Григорий подал руку тетке. — Автомобиль ждет у выхода. Прошу!

— Идем, Гришенька, дорогой! — Она сделала вид, что опирается на его руку, хотя на самом деле могла бы прошагать весь перрон строевым шагом, как солдат на параде.

В гостинице не подвели, прислали вполне приличный «Мерседес», и водитель ждал у машины — симпатичный парень, белая рубашка, черные брюки, выбрит чисто. Тетка бросила на него один взгляд и осталась довольна. Хотя у нее не поймешь.

Григорий усадил тетку на заднее сиденье, сам, чуть поколебавшись, сел рядом, все же оглянувшись в последний момент. Оно того стоило: кислые морды провожавших подняли ему настроение.

На лице Эльвиры он прочел самую настоящую ненависть, ее муж вроде бы смотрел в сторону равнодушно, но никого это равнодушие не обманет. Бабка эта полоумная вдруг палкой своей замахнулась, дочка... как же ее... ну да, Василиса, еле успела палку перехватить, так бабка ее кулаком в живот ткнула. Надо же, вроде бы в мараз-

ме, а как ловко получилось, Василиса эта прямо скорчилась от боли, только что не заорала. Говорят же, что психи очень хитрые.

Старый хрен Роман Андреевич вроде бы в стороне стоит и делает вид, что он тут вообще ни при чем, а сам губы обидчиво кривит. Вот он точно не родственник, а близкий друг дяди Коли покойного, вроде бы в школе они еще учились сто лет назад. Тетка и ему написала, всех хочет собрать, непонятно только зачем. Ну, у нее свои резоны, несомненно, есть, он, Григорий, не полный дурак, сразу понял, что тетка ничего просто так не делает.

Еще две бабенки сзади шеи тянут, пытаются теткин взгляд поймать. Ну, эти-то последние спицы в колесе. Еще когда здесь жили, была у дяди Коли домработница. Как раз в перестройку вывез он ее из деревни, откуда сам родом был. Какая-то она ему родня уж такая дальняя, что и не определить точно. Ну, в деревне все друг другу родня, и фамилия у этой Нюры была такая же, Голубева.

Григорий тогда маленький был, лет десяти, но помнит, как мать отцу рассказывала, что тетя Аня очень недовольна была, что домработница из деревни, да еще и родня дальняя, хоть и седьмая вода на киселе, нашему забору двоюродный плетень. Да еще и зовут так же, как ее, Анной. Но муж ее тогда строгость проявил, кулаком по столу стукнул, она и не посмела ему возражать. Серьезный был мужчина, и на фабрике у него все по струнке ходили.